

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Т. Е. Смыковская
г. Благовещенск, Россия

**«ДВЕ НЕРАЗЛУЧНЫХ...»:
ТВОРЧЕСКОЕ СОПРЯЖЕНИЕ И ДУШЕВНАЯ СООБРАЗНОСТЬ
СЕСТЕР ЦВЕТАЕВЫХ**

Аннотация: В статье исследуется творчество Марины и Анастасии Цветаевых. В частности, представляется комплекс произведений сестер, в которых они, соприкасаясь, обнаруживали единую духовную и художественную суть. В результате исторических потрясений первой половины XX столетия жизненные пути Марины и Анастасии Цветаевых оказались разведены. Однако, вопреки трагическим катаклизмам, потрясшим Россию, внутренняя связь Муси и Аси (так сестры именовали себя), в последний раз встретившихся в 1927 г. во Франции, оказалась неразрывна. Автором публикации проанализированы стихотворения сестер Цветаевых, посвященные друг другу, а также актуализированы поэтические и прозаические тексты, отражающие их биографические и литературные пересечения. Ряд лирических произведений Анастасии Цветаевой впервые рассматривается в контексте судьбы и творчества ее старшей сестры. Первое взаимопроникновение выпадает на детские годы, оно объемно воссоздано младшей Анастасией в книге «Воспоминания», создававшейся во второй половине XX в. Впечатления, переживания юности и молодости отражены не только в мемуарной прозе, но и в поэтическом творчестве. Прежде всего это касается ранней лирики Марины Цветаевой. Образ Анастасии запечатлен ею в таких стихотворениях, как «Ты — принцесса из царства не светского...», «Лесное царство», «Взгляните внимательно и если возможно — нежнее...» и многих других. В произведениях, обращенных к Асе, акцентирован топос вокзала, являющийся одной из художественных составляющих мотива разлуки («На вокзале», «Неразлучной в дорогу» и др.). В лирическом цветаевском дискурсе возможны и прямые биографические переклички, осложненные образными взаимодействиями (М. Цветаева «Конькобежцы» — А. Цветаева «Мы»). Открытыми или аллюзивными лирическими обращениями к Марине Цветаевой пронизана лагерная поэзия ее младшей сестры.

Ключевые слова: Марина Цветаева, Анастасия Цветаева, поэзия, художественный мир, *цветаевское мы*, творческое сопряжение, лирическая героиня.

Информация об авторе: Татьяна Евгеньевна Смыковская — кандидат филологических наук, доцент, Благовещенский государственный педагогический университет, ул. Ленина, д. 104, 675000 г. Благовещенск, Россия. E-mail: tarkatova@yahoo.com

Дата поступления статьи: 24.04.2018

Дата публикации: 28.06.2019

Для цитирования: Смыковская Т. Е. «Две неразлучных...»: творческое сопряжение и душевная сообразность сестер Цветаевых // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 177–187.

Марина и Анастасия Цветаевы — два важнейших имени на литературной карте России XX столетия. Марина — «пламень», воплощенный в стихах, Анастасия — «лед», растопленный в прозе. Они, «столь различны меж собой», «сошлись» не только родственно, как сестры, но и художественно, как писатели, оставившие глубокий след в творчестве друг друга и в летописи отечественной словесности. Марина — признанный лирический гений, Анастасия, восставшая из гулаговского пепла, только обретает свое законное место в ряду русских прозаиков и поэтов. Их судьбы, созвучные жестокому XX в., трагичны, их жизненные пути разведены историей. Однако единое «сердце», некогда «расколотое на два» исторической катастрофой, оказалось слито в «общий голос» художественного сосуществования, позволившего почти мистически соприкаться на разных концах земного пространства.

Творческому сопряжению Марины и Анастасии Цветаевых посвящен лишь небольшой ряд статей [2]. Причина, по-видимому, кроется в недостаточной степени изученности художественного мира младшей из сестер. Поэзия и проза Анастасии Цветаевой только в начале 2000-х гг. сделалась объектом литературоведческого анализа [6; 8]. М. Головей, исследуя цветаевские переключки, справедливо резюмирует: «<...> диалог строился в полемической форме, так как суждения и воспоминания, высказываемые обеими сестрами в мемуарной и биографической прозе, часто противоречат друг другу, а в лирическом творчестве сестры скорее ведут диалог, обращаясь или отвечая друг другу» [1, с. 259].

Узнав в лагере¹ о смерти сестры, Анастасия Цветаева в послании к давнему другу Е. Я. Эфрон² подытожила: «Тишина и пустота такие страшные, <...> и все стало воздушное <...>. Вчера была моя 1-ая ночь со звездами без Марины, со звездной Мариной. Она уже 2 года там. / Без Марины наслаждаться искусством и природой, человеком, книгой мне невозможно. Каждое чувство обведено черным провалом. <...> Этот (здесь и далее в цитате выделено А. И. Цветаевой. — Т. С.) удар должен начать мою старость. Если из искусства изъят такой мастер — значит, и оно тень теней. Я ее отсутствия в жизни, думаю, что не пойму никогда. Но роптать я не могу, и я должна принять даль между нами именно потому, что эта даль — чудовищна. Это экзамен к собственной смерти <...>» [3, с. 191]. Вопреки годам исторического небытия, безысходной разлуки и беспросветного неведения связь между сестрами не ослабевала. В разгар Гражданской войны Марина, оторванная от Аси, писала ей: «— Так легко умереть! — Но — странно! — о тебе я все эти годы совсем не беспокоилась — высшее доверие! — как о себе. — Я знала, что ты жива (выделено М. И. Цветаевой. — Т. С.)» [13, т. 6, с. 192]. Их навсегда соединило детство, вдвоем они встретили юность и молодость. Литературный секретарь А. Цветаевой С. Айдинян отмечал: «При несходстве характеров у Марины и Анастасии было сходство душевного строя. Отсюда “близнецовость” голосов, моментальность синхронного ответа на чей-нибудь вопрос, даже

¹ С 19 февраля 1938 по 1 марта 1941 А. И. Цветаева отбывала лагерное заключение в БАМлаге (с мая 1938 Амурлаге; совр. Амурская обл.), далее этапирована в Бурлаг (совр. Хабаровский край), откуда 1 сентября 1947 была освобождена. Подробнее о лагерном пути А. И. Цветаевой см.: [7, 9].

² Эфрон Е. Я. (Лилия; 1885–1976) — сестра мужа Марины Цветаевой. Дружба А. И. Цветаевой с Е. Я. Эфроном зародилась в 1911 г.

сны одинаковые. С отроческого возраста между сестрами возникли доверительные отношения. <...> наиболее близкая дружба сестер, их душевная открытость друг другу приходится на молодые, предбрачные годы и первое время после замужества. <...> До конца жизни Анастасия Ивановна чувствовала сестру как существо очень близкое ей, родное, но не идеализировала ее, не преклонялась перед нею — просто глубоко и с искренне пережитым пониманием относилась и к личности, и к поэзии Марины» [10, т. 1, с. 14–15]. Одни из самых трогательных страниц «Воспоминаний» (1957–1992) А. Цветаевой о Марине. Книга во многом создана для сестры, в память о ней: об их бесценном совместном прошлом, горьких расставаниях и радостных встречах: «<...> до ее <Марины> двадцати пяти — и год с ее двадцати восьми с половиной до двадцати девяти с половиной — наши жизни были крепко связаны, и она звала меня — своей неразлучной. Марина — самый родной, самый трудный, самый неописуемый, самый, может быть, колдовской человек моих детства и юности» [10, т. 1, с. 21]. Старшая сестра, захватив в паре поэтическое лидерство, не раз лирически отзывалась о своей Асе, нередко представляла ее в сказочном образе, отсылающим в мир волшебного детства, столь дорогого для сестер Цветаевых: «Ты — принцесса из царства не светского, / Он — твой рыцарь, готовый на все... / О, как много в вас милого, детского, / Как понятно мне счастье твое!» [13, т. 1, с. 11]. Образ Аси пейзажен. Она неоднократно изображается в лесном локусе: в «светлой чаще берез», у костра, среди «сосен, болот и мхов». Марина Цветаева, включая героиню-сестру в природный круг, желала подчеркнуть ее искренность и непосредственность, отсутствие наигранности и фальши. В лирическом мире Марины Анастасия воплощена в разных стихиях. В «Лесном царстве» (1908) и во «Взгляните внимательно и если возможно — нежнее...» (1913) она — огонь «искр» и «пламя», в «Асе» (1913) — родственна воде, в «Мы быстры и наготове...» (1913) — воздушна, лишена материальности: «Прочь, гумно и бремя хлеба, / И воли! / Мы — натянутые в небо / Две стрелы!» [13, т. 1, с. 183]. Так Мариной акцентируется неординарность личности, богатство внутреннего мира Анастасии, способной то страстно гореть, то ласково изливаться «изумрудной волной». По-видимому, между сестрами не существовало литературного соперничества. Ася, впитывая стихи Марины, принимала в себя ее поэтический дар. Марина, в свою очередь, признавала «мудрый ум» шестнадцатилетней сестры и ее право на самостоятельное творчество, на создание собственной художественной вселенной.

Лирическая героиня, отождествленная с Анастасией, чаще всего показана в любовной коллизии, овеяна романтическим ореолом. Она «принцесса», за которой неотомимо следует возлюбленный. В ранних стихотворениях («Лесное царство», «Колыбельная песня Асе») он воплощен в образе абстрактного рыцаря-пажа, безнадежно служащего своей «лукавой и строгой» «царевне», гордо повелевающей им: «Ты во сне увидишь слезы / Брошенных пажей» [13, т. 1, с. 106]. В более поздних «Конькобежцах», датируемых 1916 г., избранник Аси обретает конкретные черты, его образ эволюционирует от преданного отвергнутого юноши до рокового мужчины, сыгравшего исключительную роль в жизни героини. Из посвящения узнаем, что речь идет о Борисе Трухачеве, первом муже А. Цветаевой, умершем в 1919 г. в Старом Крыму от сыпного тифа. Об их нечаянной встрече младшая из сестер писала: «Музыка гремела, летел снежок, синее небо вечера медленно и плавно кружилось над нами, и казалось, что кружится голова. / Мы катались <...>, когда на полном бегу возле нас зашипели, резко затормозив о лед, лезвия норвежских коньков и, смеясь и еще как на бегу дыша, стал среди нас человек в пиджаке, в темно-желтой меховой шапке. Она была надета чуть вбок, и из-под

нее, ею стройно схваченные, светлели подрезанные, как у Листа, пышные волосы. Синие глаза сверкали весельем насмешливым, <...>. / — Кто это? — спросила я, чувствуя, что я должна мчаться с ним <...>! Что-то ослепительное, несомненное, никогда не виденное, пленительное, нужное было в этом подлетевшем и умчавшемся человеке. Все остановилось. Важным было только — его возвращение. Оно не замедлило. <...> В его брызжущем остроумии было столько захватывающей уверенности, <...> его стройное, легкое тело (изящное не деланным, а кровным изяществом), худое лицо, тонкий нос с горбинкой <...> — все было в совершенстве в первый раз! Упоительно! Ни на кого не похоже! Дарило и отнимало себя. <...> А музыканты начинают новое, золотые трубы взлетают ко рту солдат, и ритм начинающей колдовать мелодии трогает наши коньки. Борис замечает, что я на норвежских (одна из всех женщин катка, — да будет благословенно наше право летать!). / <...> Ни с кем за все годы мои на катке я не знала такой быстроты! Ни с чем не сравнимое упоение. / <...> И мы мчимся и мчимся, и под музыку, и без музыки, я сбоку вижу его лицо, смеющееся, разгоревшееся, темную синеву глаз, соболиного цвета шапочку. Я совершенно счастлива!» [10, т. 1, с. 203–204]. Это знаковое событие в судьбе юной Анастасии Марина художественно запечатлела в стихах: «Башлык откинула на плечи: / Смешно кататься в башлыке! / Смеется, — разве на катке / Бывают роковые встречи? // Смеясь над “встречей роковой”, / Светло сверкают два алмаза, / Два широко раскрытых глаза / Из-под опушки меховой. // Все удастся, все фигуры! / Ах, эта музыка и лед! / И как легко ее ведет / Ее товарищ белокурый. // Уж двадцать пять кругов подряд / Они летят по синей глади. / Ах, из-под шапки эти пряди! / Ах, исподлобья этот взгляд! // Поникли узенькие плечи / Ее, что мчалась на легке. / Ошиблась, Ася: на катке / Бывают роковые встречи!» [13, т. 1, с. 169–170]. Композиционно произведение делится на две части. В начальных строках героиня легка и невесома, не обременена жизненными невзгодами. Она смеется в лицо судьбе. Если междометия акцентируют ее беззаботность и кокетливость, то восклицательные знаки фиксируют особую впечатлительность и эмоциональный накал нежданного знакомства. Лирическая героиня предстает в движении (*откинула на плечи — смеется — глаза сверкают — они летят*), в преддверии истинного романа, она охвачена настоящим чувством. Последняя строфа, отделенная длительной паузой, воплощающей, с одной стороны, значительный временной перерыв, с другой — любовный провал. Героиня изображена статически, почти фотографически фиксируются «поникшие узенькие плечи», которые в контексте ранней лирики Марины Цветаевой во многом выступают знаком расплаты за страдания отверженных возлюбленных. Несмотря на непростой разрыв с Анастасией, «непокорный паж» Борис Трухачев остался светлым воспоминанием в сердце Марины. Она, узнав о его кончине, писала сестре: «Ася! — смерть Бориса — для меня *рана на всю жизнь* (выделено М. И. Цветаевой. — Т. С.), огромное и страшное горе. <...> Я Бориса любила как того брата, <оторо>го у нас не было» [13, т. 6, с. 192]. Для Анастасии Борис Трухачев — важная веха в судьбе, первая любовь, отец старшего сына Андрея, сумевшего вместе с матерью выжить в Гражданскую войну, выстоять в годы репрессий. Последние дни Бориса Трухачева Анастасия Цветаева бережно воссоздаст в автобиографическом романе «Амор» (1939–1941; 1987–1989), где выведет его под именем Глеба.

Спустя десятилетия образ влюбленных конькобежцев вновь возникнет в цветаевской поэзии. Однако стихотворение, появившееся в 1940 г., будет принадлежать уже Асе, отбывавшей лагерное заключение на Дальнем Востоке, в Амурлаге. В основу произведения положено воспоминание, внезапно воскрешенное «волшебной» мелодии-

ей, некогда звучавшей на «роковом» катке: «Музыка. А где-то, часовые, — / Все ли там спокойно, на Амуре? / Обухом — вальс. И покорную выю / Под вальс “На сопках Манчжурии”... // Ели... Рукой отгибаю / Снежную ветку, и вмиг / Точно во сне оживает / Ваш меховой воротник, / Лед и коньки. О, как любы / Синие Ваши глаза — / Вальсом, как солнцем, трубы — / И уж невозможно назад — / Это лишь первого акта / Занавес лунный. / Но я — (Вальса срывается с такта / Бронзовая струя). / Я ведь не знала, что сбудется / Вальс. Что Манчжурская тень / Так мне — что позабудется / Этот, как многие, день, / И что волшебною силою / Музыка, в дальнем краю / Плена и старости — милую / Юность услышу. Стою, / Как оглушенная. Строгие / Кедров кружатся кругом. / Лодочкой месяц двурогий / В звездную выю за другом / Ввысь, по небесным дорогам / Тяжкой ногой по разлукам. / Милый! Давно над землею / Звездами Ваши глаза. / Но сын Ваш — одно лицо и / Нрав. Четверть века назад / Вы — зубы стиснув и руки скрестив, / Отринувши все, что рядом, / Он измеряет звездный массив / Вашим — и Фауста — взглядом» [11, с. 129]. Названием «Мы» подчеркивается слитность образов Аси и ее первой любви. Их связь с сыном, которому посвящен стихотворный текст, а также с Мариной, реминисцентно присутствующей в лирическом сюжете. Младшая сестра, создавая произведение, не могла не помнить об авторе «Конькобежцев». Марина, лирически актуализируя внутреннее единство с сестрой, их общую природу, также нередко прибегала к местоимению *мы*: «Мы быстры и наготове, / Мы остры. / В каждом жесте, в каждом взгляде, / в каждом слове. — / Две сестры. // Своенравна наша ласка / И тонка, / Мы из старого Дамаска — / Два клинка» [13, т. 1, с. 183]. После знакомства Марины с Сергеем Эфроном Ася печально осознавала, что их *мы* может распасться. Взамен Мусе она пыталась найти родственную душу, обрести иную целостность: «Мы стояли — Марина и я — под шатром южных звезд, в дыханье дрожа, в трепете масличных ветвей, и ее слова, как волны о черный берег, луной или фосфором под водой бились о мое одинокое без нее сердце: / — Он чудный, Сережа... Ты поймешь. Мы вечером будем у меня, — приходи! Втроем. Ты увидишь! <...> Он болен, Сережа, — туберкулез. Мы, может быть, скоро уедем отсюда, он не переносит жару... / ... “Мы”. Значит, конечно мое “мы” с Мариной. А я... ? Будет ли у меня с Б.С.Т. “мы”?» [10, т. 1, с. 211]. Однако цветаевское *мы*, вопреки новым судьбоносным встречам, оставалось неизбывным. Марина Цветаева, будучи в Москве, писала в Крым к сестре: «Ася! — Жду тебя. — Я годы (здесь и далее в цитате выделено М. И. Цветаевой. — Т. С.) — одна (людская пустошь). Мы *должны* быть вместе, здесь ты не пропадешь. <...> Если бы я знала, что жив, я была бы — совершенна счастлива. Кроме него и тебя — мне ничего не надо. / Каждый кусок, к <отор> ый ем — поперек горла и отчаяние, что нельзя послать тебе» [13, т. 6, с. 191–193]. Пройдут годы и заветное *мы* воскреснет в стихотворении Анастасии Цветаевой. Их союз окажется нерушим, не подвластен лагерной действительности, не вычеркнут из памяти, не вытеснен из сердца.

Лирическая героиня «Мы», наделенная автобиографическими чертами, остро переживает несвободу, сумевшую затмить историю любви. Внутренняя экспрессия передается обрывающимися строками. Ломанный ритм воплощает безмерное волнение, перехватывающее дыхание и не дающее завершить начатую фразу. Картина былого, «оглушая», словно выводит из смертельного сна, напоминая о том, что жизнь продолжается даже в лагерной зоне. Неслучайно возникает образ «обуха», обладающего в стихотворении символической, нетрадиционной для русской литературной парадигмы. Обух, как часть топора, устойчиво ассоциируется с гибелью (Ф. М. Достоевский, А. И. Солженицын и др.). У Цветаевой же «обух» «манчжурского вальса» олицетворяет вне-

запное пробуждение заключенной, удивленно понимающей: за долгий тюремный срок не притупилась способность глубоко чувствовать, воспринимать мир сквозь музыку и бережно хранить в сердце юность, отраженную некогда в стихах Мариной.

Пристанище лирической героини, не утратившей желаний жить, — земля. Вблизи нее Амур, вокруг «снежные ели», «строгие кедры» и «седые сосны». Деревья в стихотворении являются не просто знаком таежного топоса. Дерево, по мысли М. Эпштейна, — это «образ упорного прорастания, жизнестойкого терпения, которое осиливает все превратности годового цикла — из осеннего увядания и зимней наготы возрождается к новой цветущей жизни» [14, с. 42]. Лирическая героиня окольцована деревьями. Они — символ ее стойкости, безмерной веры, «прорастания» в жизнь вопреки всем злоключениям. Величественная вечнозеленая хвоя олицетворяет бессмертие души, негасимую надежду, нетленные ценности, к которым она устремлена.

Обитель ушедшего в «звездную вьюгу» героя — небо. Он возвышен смертью («звездами Ваши глаза») и бывшей возлюбленной, использующей в обращении к нему только *Вы*, свидетельствующее о пиетете перед неординарной личностью, духовно близким человеком. Для героини необычайно ценна память о нем. Если в стихотворении Марины портретна девушка (*башлык — два широко раскрытых глаза — меховая опушка — узенькие плечи*), то у Анастасии детализирована внешность героя (*меховой воротник — синие глаза — зубы стиснув — руки скрестив*). В «Конькобежцах» акцентировано любовное приключение и потрясение юной Аси, в «Мы» — мир женщины, познавшей горе и несправедливость. Она осознает важность пройденного пути. В композиционной структуре стихотворения (настоящее → прошедшее → будущее) тематически и объемно выделена картина былого. Возвращение в далекое прошлое становится залогом обретения себя в лагерной действительности. Вальс, когда-то звучавший на катке юности, является не только мотивом, объединяющим части произведения («На сопках Манчжурии» в лагере — амурский вальс на катке — колыбельное пение под вальс «На сопках»), но знаком неизбывности нравственной силы человека, способного претерпеть тюремный « плен ». Круговорот жизни, воплощенный в музыке, не в состоянии разорвать даже гулаговская «тень». Мотив убаюкивания ребенка, появляющийся в конце произведения, замыкает цепочку (мать → сын → внучка) и свидетельствует о торжестве света над мраком смерти.

В стихотворениях Марины Цветаевой, обращенных к младшей сестре, нередка сцена разлуки, свидетельствующая о том, что разъединение переживалось трудно и болезненно: «“Ася, руку мне!” и “Ася, руку!” / (Про себя тихонько: “Поцелуй!”) // Поезд тронулся — на волю Божью! / Тяжкий вздох как бы одной души» [11, т. 1, с. 173]. Откликом ушедшему пассажирскому составу рождались пронзительные лирические строки. Мотив расставания обуславливает топос вокзала, не единожды воссозданный в Марининых произведениях («На вокзале», 1911; «Неразлучной в дорогу», и др.), адресованных Анастасии: «Гул предвечерний в заре догорающий / В сумерках зимнего дня. / Третий звонок. Торопись, отъезжающий, / Помни меня! / Ждет тебя моря волна изумрудная, / Всплеск голубого весла, / Жить нашей жизнью подпольною, трудною / Ты не смогла. / Что же, иди, коль борьба наша мрачная / В наши ряды не зовет, / Если заманчивей влага прозрачная, / Чаек серебристый полет! / Солнцу горячему, светлому, жаркому / Ты передай мой привет. / Ставь свой вопрос всему сильному, яркому — / Будет ответ! / Гул предвечерний в заре догорающей / В сумерках зимнего дня. / Третий звонок. Торопись, отъезжающий, / Помни меня!» [13, т. 1, с. 34]. В стихотворении два мира: «наш» и «твой». Первый «подпольный», «трудный», «мрачный», вероятно, об-

щий для Марины и Сергея Эфрона. В нем нет ни простора, ни воздуха, а лишь «мрачная борьба». Второй мир, наполненный «влагой прозрачной» и «серебристым полетом чаек», противоположен ему. Его «царевна» — Ася. Марина Цветаева, основывая стихотворение на антитезе, все же обозначает общую «солнечную» природу лирических героинь. Они, несмотря на разность дорог, скованы знаком горячего солнца, символизирующего их вечную тягу к свету, единую духовную суть, актуализированную кольцевой композицией. Заключительное, выделенное дважды «Помни меня!» звучит как заклинание, сакральное моление. Марина, возможно, интуитивно предчувствовавшая «разрыв в жизнь», просит хранить ее образ в сердце, мысленно не расставаться с ней на сложных жизненных путях. И младшая сестра «помнила», не забывала, была неизменно верна своей Мусе, которая нередко приходила во снах, посылая судьбоносные знаки: «<...> с 1907 по 1910 год она <Марина> жила на антресолях отцовского дома в крошечной комнатке — письменный стол, диван и портреты любимых героев — на стенах. А в 1910 году Марина сошла вниз, поселилась в бывшей кладовой, а позднее — в комнате экономки, двухоконной, окнами во двор. И подоконники она устала горшками комнатных растений. Любимый ее цветок был серолит из семейства бегоний, листья которого усыпаны серебряным узором. / Итак, в 1943 году, на Дальнем Востоке, погруженная в свое горе, я увидела у одной вскоре освобождающейся женщины, у койки ее в большой кадке как бы увеличенный в лупу, как с ее подоконника, цветок, любимый Мариной, разросшийся в комнатное *дерево* (выделено А. И. Цветаевой. — Т. С.) — серолит. Я сказала о Марине владелице дерева, и она подарила его мне, заповедав ежевесенне его пересаживать в новую землю. Дерево стало моим» [12, с. 179]. Лучшие портреты, написанные Анастасией Цветаевой в лагере, воссоздают дорогое лицо: «<...> я с вести о Марининой гибели начала увеличивать, в карандаше, пришедшие мне фотографии: двадцати пяти лет в аметистовом ожерелье на фоне инкрустированного <...> полукруга; тридцати пяти лет, в $\frac{3}{4}$, в крупноклетчатом платье с черной овальной брошью; последняя — сорока шести-сорока семи, с уже седой головой, с открытой шеей и ниткой граненых бус. / Я работала над ними ночами. Работала с сеткой, точно» [10, т. 2, с. 659]. Ариадна Эфрон, обретя одно из изображений, тут же откликнулась: «Получила письмо <...> с маминым перерисованным портретом, изумительно схожим» [5, с. 168].

Анастасия Ивановна, будучи заключенной, не имея возможности досрочного освобождения, надеялась на скорую встречу, безмерно скучала и изо всех сил старалась не поддаваться хандре. В стихотворении «Моей сестре Марине» (?1941) она восклицает: «Стою, терзаема своей судьбою, / Встречая лбом девятый вал тоски, — / А там гармоника как с перепою... / Марина! Свидимся ли мы с тобою, / Иль будем врозь — до гробовой доски?» [11, с. 95]. Мир лирической героини произведения замкнут, уподоблен тихой келье. Он противостоит реальности «за бараками», наполненной «неистовым» пением гармоники. Внешний топос, утопающий в разнообразии звуков (*смех — хоровод — плясать — ритм молодого веселья*), не совместим с «немотой», царящей в душе, с сокровенным безмолвием, порожденным долгой и тягостной разлукой.

Ася, узнав о трагической кончине Марины, погружается в небытие, навсегда перестает писать стихи. Ее лагерные письма к родным наполнены неподдельным горем: «49 лет жизни вдруг ушли из-под ног. <...> I (здесь и далее в цитате выделено А. И. Цветаевой. — Т. С.) мое чувство было — нет, не так, не может быть. Невозможность, нелепость, чудовищность. Насмешка. Я ждала встречи с ней столько лет, так терпеливо, никогда не падая духом. Она для меня неразрывна с чувством жизни, моей,

я ведь никогда, с рождения, не жила без нее на свете и этот свет без нее мне был — незнаком» [4, с. 186]. Однако смерть не стала поводом к забвению. Анастасия Ивановна, освободившись из лагеря, пережив «вечную» ссылку, во что бы то ни стало желает побывать в Елабуге, найти могилу сестры. С просьбой о поездке она обращается к Ариадне Эфрон, в ответ слышит отказ: «При свидании с моей племянницей Алей в 1947 году я предложила ей ехать в Елабугу <...>. — На могиле у мамы я должна сперва побывать одна, — отвечала Аля, — побыть с ней наедине. Но, найдя ее, я обещаю вам свезти вас на мамину могилу. / Мне пришлось согласиться» [10, т. 2, с. 663]. В 1958 г. Анастасия Ивановна еще раз просит содействия старшей дочери Марины Цветаевой в поиске захоронения матери, поддержки вновь не получает: «На мое повторенное ей желание ехать искать могилу Марины Аля ответила мне — слово в слово — то, что сказала за одиннадцать лет. Уважая ее желание, я вновь покорилась» [10, т. 2, с. 663]. На шестьдесят седьмом году жизни Анастасия Ивановна твердо решает сама найти место погребения. Мысль о том, что у родного человека, выдающегося поэта, составившего литературную славу России, нет даже могилки, была невыносима, не приносила душевного покоя. «Встреча» сестер произошла осенью 1960 г.: «Придя <...> на кладбище, я принесла сделанную мне на заказ в мастерской металлическую дощечку <...>: “В этой стороне кладбища похоронена Марина Ивановна Цветаева” <...>. <...> мы стали искать крест. Удивительно: у церковной стены стоял только один крест, и он был Маринино цвета — старый, зеленоватой бирюзы. Он был из металла — тяжелый, хотя небольшой. <...> Кропоткина позвала паренька, который понес его и закопал по нашему указанию *между* (выделено А. И. Цветаевой. — Т. С.) четырех неизвестных могил 1941 года. В месте меж них, узком, где уже не смогут копать могилу, чтобы не задеть чужой. <...> Дощечку паренек прикрепил к кресту проволокой. <...> Десять лет спустя моей поездки в Елабугу Союз писателей Татарской Республики поставил Марине большой гранитный памятник на елабужском кладбище — на месте, отмеченном мною в 1960 году <...>. В будущем, может быть, будет уточнено настоящее место могилы Марины — у правой стенки кладбища» [10, т. 2, с. 678–679, 680]. Анастасия Ивановна скрупулезно, стремясь освободить имя Марины Цветаевой от домыслов, «проходя по всем следам», собирает факты ее пребывания в Елабуге и дает свое объяснение трагическому уходу: «Так меня, верящую, что жизнь надо терпеть до конца, озарило знание тех *Марининых* (здесь и далее в цитате выделено А. И. Цветаевой. — Т. С.) дней. Страшным шагом ответила на неразумные слова сына — чтобы не сделал этого он. / Любовь к сыну помогала ей упорно искать работу. Ей все еще верилось, что, как в детстве его, они — одно. Но когда в роковой час его горделивой угрозы, что, по несогласию его: их жизнью в Елабуге он может уйти в смерть, — открылись ее глаза на сына: он уже не одно с ней! Оттолкнув мать, он может шагнуть в смерть. С *этой* соперницей — спора нет. — Я чувствую это и теперь всем своим существом, нашей общей душой, поняв сужденность *тогда* ее шага. Его жертвенность. <...> Меня хотят уверить, что Марина ушла — и оставила сына! — оттого что не вынесла тяжести жизни. / <...> от нищеты Цветаевы не погибают. / Да, ее любовь к сыну была так велика, что если б ее заковали в цепи, а он бы ей говорил: “Ты мне нужна”, — она бы и веса цепей не ощутила. / Марина ушла, чтобы не ушел Мур. / Сомневаться в этом могут лишь люди совершенно иного уровня, неспособные понять натуры Марины, ее неистовость, ее абсолютизм, — *своей меркой* мерящие!» [10, т. 2, с. 682, 684].

Несмотря на разность характеров, жизненных путей и позиций, литературных устремлений и художественных доминант, Марина и Анастасия Цветаевы отражались

в друг друге. Притяжение было глубоко и многопланово. Образ Аси актуализирован в ранней поэзии Марины Цветаевой. Это время наибольшей душевной близости сестер. Анастасия предстает юной «принцессой», главный смысл существования которой — любовь. Пройдут десятилетия, и младшая сестра, создав роман «Амог», подтверждает этот лирико-романтический образ, уже названием произведения обозначит главную ценность своего земного бытия. Образ Марины, в свою очередь, чрезвычайно важен в автобиографической прозе А. Цветаевой, особенно в «Воспоминаниях», чей художественный хронос совпадает с этапом предельного внутреннего созвучия Муси с Асей. В книге их союзу отводится одно из ключевых мест. При этом Анастасия Цветаева, избегая мифологизированной ноты, рисует «свою Марину», правдиво воссоздает портрет человека, которого очень хорошо знала и безгранично любила. Марина под пером сестры предстает сложной и противоречивой личностью, безмерно талантливой и неистово страстной натурой. Маринин образ присутствует и в поэзии Анастасии. Он может быть реминисцентен («Мы») или явлен открыто («Моей сестре Марине»). В любом случае он свидетельствует о земном и небесном сопряжении сестер, неизбежности *цветаевского мы*, которое оказалось неподвластно ни истории, ни смерти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Головей М. Г. Музыка в бытийном пространстве М. И. Цветаевой и А. И. Цветаевой // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2011. Вып. 3. С. 177–180.
- 2 Головей М. Г. Творческий диалог М. И. Цветаевой и А. И. Цветаевой // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2013. Вып. 6. С. 256–260.
- 3 Марина Цветаева в письмах сестры и дочери. Письмо А. И. Цветаевой Е. Я. Эфрон от 25.08.1943 // Нева. 2003. № 3. С. 192–193.
- 4 Марина Цветаева в письмах сестры и дочери. Письмо А. И. Цветаевой А. Б. Трухачеву от 11.08.1943 // Нева. 2003. № 3. С. 186–189.
- 5 Марина Цветаева в письмах сестры и дочери. Письмо А. С. Эфрон А. И. Цветаевой от 22.12.1944 // Нева. 2003. № 4. С. 168–170.
- 6 Медведев А. А. Концепт тишины в лирике А. И. Цветаевой 1937–1943 гг. // Вестник ЧелГУ. 2014. № 9–1. С. 319–325.
- 7 Смыковская Т. Е. «За десять лет двадцать пять переездов»: гулаговское путешествие А. И. Цветаевой по Дальнему Востоку // Лосевские чтения — 2016: материалы региональной научно-практ. конференции. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. С. 14–25.
- 8 Смыковская Т. Е. «Рая весть в трехмерности аду»: специфика художественного топоса лагерных стихотворений Анастасии Цветаевой // Филологические науки. 2018. № 1. С. 97–104.
- 9 Смыковская Т. Е. Дальневосточный период в судьбе и творчестве А. И. Цветаевой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9: в 2 ч. Ч. 1. С. 167–170.
- 10 Цветаева А. И. Воспоминания: в 2 т. М.: Бослен, 2008. Т. 1: 1898–1911 годы. 816 с. Т. 2: 1911–1922 годы. 800 с.
- 11 Цветаева А. И. Мой единственный сборник: стихи. М.: Изограф, 1995. 207 с.
- 12 Цветаева А. И. Неисчерпаемое. М.: Отечество, 1992. 320 с.
- 13 Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1: Стихотворения. 639 с. Т. 6: Письма. 800 с.
- 14 Эпштейн М. Н. Стихи и стихии: Природа в русской поэзии XVIII–XX вв. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2007. 352 с.

© 2019. Tatyana Ye. Smykovskaya
Blagoveshchensk, Russia

**“THE TWO INSEPARABLES”:
CREATIVE JUNCTION AND SPIRITUAL AFFINITY
BETWEEN THE TSVETAEVA SISTERS**

Abstract: The paper examines of the works of Marina and Anastasia Tsvetaeva, with a focus on the body of texts in which the two sisters’ creative priorities intersected on a single plane of spiritual and artistic meaning. As a result of traumatic historical upheavals of the first half of the 20th century, Marina and Anastasia Tsvetaeva’s life paths diverged. Yet despite the tragic cataclysms that befell Russia during this period, the inner connection between Musya and Asya, as two sisters called themselves, remained intact (they last met in France in 1927). The authors address poems by the Tsvetaeva sisters dedicated to each other to highlight poetic and prose productions that express biographical and literary affinity between them. For the first time, several of Anastasia Tsvetaeva’s lyrical poems are considered in the context of her elder sister’s life and art. The first interactions date back to the sisters’ childhood years soundly evoked by the younger of the two, Anastasia, in her book *Reminiscences*, which she wrote during the second half of the twentieth century. Her impressions and feelings of her period of adolescence and youth found expression not only in memoir prose, but also in the verse form, which is, first of all, true of Marina Tsvetaeva’s early lyrical poetry. The image of Anastasia is memorized in several of Marina’s poems, including “You are a princess from a kingdom of modesty...”, “Forest Kingdom”, “Look closely and, if you may, more tenderly...”. The texts dedicated to Asya (Anastasia) frequently feature the topos of a train station, which signposts the theme of leave-taking, as in “At the Train Station” and “To My Inseparable One As She Departs”. The Tsvetaeva sisters’ lyrical discourse allows for direct biographical resonances, rendered more intricate via a sisterly dialogue of images (Marina’s “Ice-skaters” vs. Anastasia’s “We”). Anastasia Tsvetaeva’s camp verse is suffused with direct or oblique lyrical references to her elder sister.

Keywords: Marina Tsvetaeva, Anastasia Tsvetaeva, poetry, artistic world, the Tsvetaevian we, creative friction, lyrical heroine.

Information about the author: Tatyana Ye. Smykovskaya — PhD in Philology, Associate Professor, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Lenina St. 104, 675000 Blagoveshchensk, Russia. E-mail: tarkatova@yahoo.com

Received: April 24, 2018

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Smykovskaya T. Ye. “The two inseparables”: creative junction and spiritual affinity between the Tsvetaeva sisters. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 52, pp. 177–187. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Golovei M. G. Muzyka v bytiinom prostranstve M. I. Tsvetaevoi i A. I. Tsvetaevoi [Music in the existential space of M. I. Tsvetaeva and I. A. Tsvetaeva]. *Vestnik TvGU, Seriya “Filologiya”* [Series “Philology”], 2011, vol. 3, pp. 177–180. (In Russian)

- 2 Golovei M. G. Tvorcheskii dialog M. I. Tsvetaevoi i A. I. Tsvetaevoi [Creative dialogue of M. I. Tsvetaeva and I. A. Tsvetaeva]. *Vestnik TvGU, Serii "Filologiya"* [Series "Philology"], 2013, vol. 6, pp. 256–260. (In Russian)
- 3 Marina Tsvetaeva v pis'makh sestry i docheri. Pis'mo A. I. Tsvetaevoi E. Ia. Efronot 25.08.1943 [Marina Tsvetaeva in letters to her sister and daughter. Letter A. I. Tsvetaeva E. Ya. Efron of 25.08.1943]. *Neva*, 2003, no 3, pp. 192–193. (In Russian)
- 4 Marina Tsvetaeva v pis'makh sestry i docheri. Pis'mo A. I. Tsvetaevoi A. B. Trukhachevu ot 11.08.1943 [Marina Tsvetaeva in letters to her sister and daughter. Letter to A. I. Tsvetaeva A. B. Trukhachev of 11.08.1943]. *Neva*, 2003, no 3, pp. 186–189. (In Russian)
- 5 Marina Tsvetaeva v pis'makh sestry i docheri. Pis'mo A. S. Efron A. I. Tsvetaevoi ot 22.12.1944 [Marina Tsvetaeva in letters to her sister and daughter. Letter A. S. Efron A. I. Tsvetaeva of 22.12.1944]. *Neva*, 2003, no 4, pp. 168–170. (In Russian)
- 6 Medvedev A. A. Kontsepttishiny v lirike A. I. Tsvetaevoi 1937–1943 gg. [The concept of silence in the poetry of A. I. Tsvetaeva 1937–1943]. *Vestnik ChelGu*, 2014, no 9–1, pp. 319–325. (In Russian)
- 7 Smykovskaia T. E. "Za desiat' let dvadtsat' piat' perezdov": gulagovskoe puteshestvie A. I. Tsvetaevoi po Dal'nemu Vostoku ["In ten years, twenty-five journeys": Gulag journey of A. I. Tsvetaeva in the Far East]. *Losevskie chteniia — 2016: materialy regional'no i nauchno-prakt. konferentsii* [Losev readings 2016: the materials of regional scientific and practical conferences]. Blagoveshchensk, Izdatel'stvo BGPU Publ., 2016, pp. 14–25. (In Russian)
- 8 Smykovskaia T. E. "Raia vest' v trekhmernosti adu": spetsifika khudozhestvennogo toposa lagernykh stikhotvorenii Anastasii Tsvetaevo i ["Paradise news in the three-dimensionality of hell": the specificity of artistic topos of the camp poems by Anastasia Tsvetaeva]. *Filologicheskie nauki*, 2018, no 1, pp. 97–104. (In Russian)
- 9 Smykovskaia T. E. Dal'nevostochnyi period v sud'be i tvorchestve A. I. Tsvetaevoi [Far Eastern period in the fate and work of A. I. Tsvetaeva]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no 9: in 2 parts, part 1, pp. 167–170. (In Russian)
- 10 Tsvetaeva A. I. *Vospominaniia: v 2 t.* [Memories: in 2 vols.] Moscow, Boslen Publ., 2008. Vol. 1: 1898–1911 gody [1898–1911 years]. 816 p. Vol. 2: 1911–1922 gody [1911–1922]. 800 p. (In Russian)
- 11 Tsvetaeva A. I. *Moi edinstvennyi sbornik: stikhi* [My only collection: poems]. Moscow, Izograf Publ., 1995. 207 p. (In Russian)
- 12 Tsvetaeva A. I. *Neischerpaemoe* [Inexhaustible]. Moscow, Otechestvo Publ., 1992. 320 p. (In Russian)
- 13 Tsvetaeva M. I. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.] Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. Vol. 1: Stikhotvoreniia [Poems]. 639 p. Vol. 6: Pis'ma [Letters]. 800 p. (In Russian)
- 14 Epshtein M. N. *Stikhi i stikhii: Priroda v russkoi poezii XVIII–XX vv.* [Poems and elements: Nature in the Russian poetry of 18th–20th centuries]. Samara, Izdatel'skii Dom "BAKhRAKh-M", 2007. 352 p. (In Russian)